

Сун Цзиньшу, опустив голову, задумался, но прежде чем он успел найти идеальное решение, в дверь постучали.

— Цзиньшу, ты уже почиваешь?

За дверью мелькнула тень, это был Янь Чи.

Глаза Сун Цзиньшу загорелись, на губах появилась улыбка, и он быстро подошел к двери, чтобы открыть её. Перед ним стоял Янь Чи с распущенными волосами, ниспадавшими на спину.

Сун Цзиньшу опустил глаза и слегка поклонился Янь Чэну в знак приветствия. Янь Чи тут же взял его за руку, не давая кланяться, и, несмотря на недовольный взгляд Янь Чэна, вывел Сун Цзиньшу из комнаты.

На улице снова пошел снег, ветка сливового дерева перед двором была покрыта снегом, тонкие ветки согнулись под тяжестью, а белые снежинки падали на землю, сливаясь в единое целое.

Янь Чи протянул руку и поймал несколько снежинок. Вероятно, из-за того, что его рука была холодной, снежинки остались целыми и не растаяли на ладони.

Сун Цзиньшу молча послушно шел за Янь Чи, глядя на его худую стройную спину и ряд глубоких и мелких следов на снегу.

— Фэнчжун тоже вырос в любви и заботе. В год его рождения лавка тканей отца оказалась в кризисе, но как раз в день его рождения всё miraculously изменилось к лучшему. С тех пор отец решил передать лавку в его управление.

Пальцы Янь Чи потеряли чувствительность от холода, но он равнодушно раздавил снежинку на кончиках пальцев и засунул руку в одежду, согревая её о грелку.

— Он с детства поступал как хотел, натворил много бед, но при этом был невероятно талантлив, все схватывал на лету, и родители не знали, радоваться им или беспокоиться.

Янь Чи повел Сун Цзиньшу в беседку, смахнул снег с каменной скамьи рукавом, и они сели за каменный стол.

— Воля родителей и слова свах — так Фэнчжуну велели жениться на тебе. Но я также ненавижу это так называемое равенство семей. Тебе, должно быть, пришлось перенести немало обид.

Длинные пальцы Янь Чи обхватили запястье Сун Цзиньшу, он с нежностью потерял кожу кончиками пальцев, но, испугавшись, что его холодные руки причинят дискомфорт, быстро убрал свою руку.

При лунном свете Сун Цзиньшу заметил на внутренней стороне запястья Янь Чи маленькую красную родинку, которая тут же исчезла из виду.

— Я нездоров, обычно не люблю выходить из дома, к тому же в будущем меня выдадут замуж, так что в делах дома Янь я не могу вмешиваться. Но я всё же старший брат Фэнчжуна. Если он будет обращаться с тобой плохо, приходи ко мне, я смогу за тебя поговорить.

Взгляд Янь Чи был печальным и одиноким, словно он вспомнил что-то, что не мог забыть. Он

поднял руку и убрал прядь волос с виска Сун Цзиньшу, а в глазах мелькнула слеза.

— Возвращайся, на улице сильный ветер, Фэнчжун, должно быть, уже заждался. Если он искренне хочет быть добр к тебе, ты можешь принять его чувства.

Янь Чи проводил Сун Цзиньшу до комнаты, но сам повернул и направился к выходу из двора.

Свет в комнате уже погасли, Сун Цзиньшу тихо закрыл дверь и подошел к кровати.

При лунном свете он мог разглядеть лежащего на кровати Янь Чэна: густые брови, большие глаза, высокий нос, глубокие глазницы, ресницы отбрасывали тени на нижние веки. Он действительно был красавцем.

Сун Цзиньшу на мгновение застыл, замороженный, и не заметил, как человек на кровати протянул руку и резко потянул его. Всё завертелось перед глазами.

Сун Цзиньшу коротко вскрикнул и упал в теплые объятия Янь Чэна.

— Почему ты такой холодный? — голос Янь Чэна был еще хриплым, и в ночной тишине звучал особенно соблазнительно. — Брату и правда понадобилось вызывать тебя.

Янь Чэн с жалостью засунул руку Сун Цзиньшу себе за пазуху; холодные пальцы коснулись горячей груди, и он вздрогнул от холода, а Сун Цзиньшу испуганно попытался вытащить руку.

Что делает второй господин? Как он может использовать свое тело, чтобы согреть ему руку!

Но его сила не могла сравниться с крепким телом Янь Чэна. Он пытался вытащить руку несколько раз, но Янь Чэн только крепче сжал её, и в конце концов Сун Цзиньшу сдался и позволил ему делать, что хочет.

Тепло их тел передавалось через кожу пальцев, смешиваясь в крови. Сун Цзиньшу застыл, боясь пошевелиться, чувствуя под рукой сильное тело Янь Чэна, и ему становилось всё жарче.

Аромат османтуса постепенно наполнил комнату. Янь Чэн потянулся к его шее и, как повеса, глубоко вдохнул.

— От Цзиньшу так хорошо пахнет, это запах меда с османтусом?

Сун Цзиньшу в темноте кивнул, но движение было настолько незначительным, что невозможно было разглядеть.

Янь Чэн и не ждал ответа. Рука на его груди постепенно согревалась, но он не хотел отпускать, крепко сжимая запястье Сун Цзиньшу и прижимая человека к себе.

Холодный воздух проникал через приоткрытое одеяло, Янь Чэн вздрогнул от холода, но не отпустил Сун Цзиньшу, терпя холодный ветер.

Сун Цзиньшу в темноте с упрёком посмотрел на него и ногой прижал край одеяла, но тепло внутри уже успело уйти.

Янь Чэн не хотел отпускать, а в комнате не было лишнего одеяла или кровати, так что Сун Цзиньшу пришлось под одеялом снимать верхнюю одежду и халат, после чего его снова притянули в объятия Янь Чэна.

Он не привык к такой близости с Янь Чэном, поэтому, когда к уху стал доходить непрерывный поток теплого дыхания, он совсем не чувствовал сонливости.

Глядя на чашку с чаем на столе, в которой уже не было тепла, Сун Цзиньшу вдруг вспомнил о белом котенке, которого он оставил в деревне, и задумался, как тот там.

Голос Янь Чэна раздался в тишине, в нем не слышалось сонливости, словно он тоже страдал от бессонницы.

— Когда минует праздник фонарей, я найму тебе лекаря, чтобы он посмотрел твое заикание.

Заикание Сун Цзиньшу не было врожденным. В детстве у него был сильный жар, который повредил горло. После того как горло прошло, он любил подражать речи хромого деда у деревенской дороги, и со временем начал заикаться, так и не сумев исправиться.

Попав в дом Янь Чэн считал, что ему трудно говорить, и ленился его слушать, просто велел молчать. Сун Цзиньшу был немым полгода, и даже случайный кашель пугал его.

Он не понимал, почему Янь Чэн хочет найти ему врача. Взрослые говорили, что эта болезнь не лечится таблетками, и он сам так думал, собираясь быть немым всю жизнь.

Сун Цзиньшу не отвечал, притворяясь спящим, но Янь Чэн знал, что он не спит, и положил руку на его прохладную шею, слегка надавив подушечкой пальца.

— Спи, завтра нужно рано вставать на приветствие.

Ночная дорога была покрыта снегом, каждый шаг сопровождался хрустом. Янь Чи, прижимая к себе уже остывшую грелку, постепенно вышел из бамбуковой рощи.

Лунный свет падал на снег, голые стволы бамбука шумели на ветру, и Янь Чи споткнулся, упав в чьи-то теплые объятия.

— Идя по дороге, можно и упасть. Сюжжу, почему ты так неосторожен?

На лице Янь Чи постепенно появилась улыбка. Он поднял голову и, глядя на человека при лунном свете, полностью расслабился, уткнувшись в его грудь. Грелку в его руках заменили на горячие ладони мужчины.

— Я знал, что ты поймаешь меня.

Мужчина взял Янь Чи за руку и повел по каменной дорожке. Его прямая фигура заслонила Янь Чи от холодного ветра, а лунный свет, падавший на плечи, словно накинул на него прозрачную вуаль.

— Как ты выбрался?

— Когда все дома уснули, я перелез через стену и тайком выбрался.

Мужчину звали Шэнь Юйсю, он был сыном из простой семьи, еще не достигшим двадцати лет и учившимся в школе.

Они встретились в Цзяннани. Тогда Янь Чи по пути в горы наткнулся на разбойников, и Шэнь Юйсю, знавший кое-какие приемы боевых искусств, случайно проходил мимо и спас Янь Чи.

Янь Чи с детства начитан классики, и они нашли общий язык. На обратном пути в столицу Шэнь Юйсю проникся чувствами к нему, и не доехав до столицы, они уже насладились радостями любви.

— Вечно ты занимаешься всякими глупостями.

Янь Чи улыбнулся и последовал за Шэнь Юйсю на высокую площадку, где они сели на каменную скамью.

На столе лежали любимые масляные коржики Янь Чи, завернутые в промасленную бумагу, и они еще не остыли.

Шэнь Юйсю развернул бумагу, пальцем взял кусочек коржика и поднес к губам Янь Чи, глядя, как тот маленькими кусочками съедает его, и улыбка в его глазах никак не хотела прятаться.

<http://bllate.org/book/16689/1531833>